

закатить выговор, три наряда вне очереди (воен.); в статью *сколько* – темпоральные употребления: "Во сколько начало? Со скольких и до скольких работает почта?". Словарную статью *где* нужно дать с отступом – она сливается с предыдущей. *Ленинградского* метро уже больше нет. Нужен ли этот историзм? Положить в гостиницу на (?) хирургическое отделение (с. 905). *С прибавкой кто-нибудь* (с. 969) – не лучше ли (*о ком-либо*)? На 657 опечатка: Мало кто теперь *курит* носогреюку [написано *кулит*].

Следует отметить, что повышенное внимание БТС-98 к лексическим единицам,

располагающимся "ниже стилистического нуля", является его основным новшеством и заслуживает всяческого одобрения. Жаль только, что нетрадиционный словарный материал интерпретируется в целом ряде случаев недостаточно и неточно.

Наконец, тираж 10 000 для обсуждаемого словаря ничтожно мал. Вне сомнения потребуются переиздания. Было бы очень желательно, чтобы в результате дополнительной редакции обнаруженные мелкие недочеты были устранены. Это сделает такой хороший словарь еще более ценным.

В.Д. Девкин

Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб.: "Фолио-Пресс", 1998. 700 с.

В лингвистической парадигме конца XX века лексикографии принадлежит особое место. Только за один 1998 год почти одновременно вышло 3 новых толковых словаря, выполненных в рамках лингвистических институтов РАН: рецензируемый словарь, "Русский толковый словарь" В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной, "Толковый словарь иноязычных слов" Л.П. Крыкина.

Бурное развитие лексикографии в последнее десятилетие обусловлено и необходимостью зафиксировать и осмыслить те активные процессы в лексике, которые отражают социальные изменения в жизни нашего общества, смену культурологических ценностей и ориентиров, и новыми тенденциями в гуманитарном знании – снятием идеологических запретов, создавшим возможность объективного отражения языковой реальности.

Темпы и активность процессов языка, с одной стороны, и потребность в осмыслении их с позиций новой ментальности современного человека, новой "языковой картины мира" – с другой, вызвали к жизни целые серии фундаментальных исследований [Ю.Н. Караулов, А.Н. Баранов, В.Г. Костомаров, Г.Н. Складневская, Н.А. Кунина, В.А. Козырев, В.Д. Черняк; "Русский язык конца XX столетия" (М., 1996) и др.], отражающих языковые изменения эпохи. Сложилась и лексикографическая традиция фиксации и осмысления новых явлений в лексике – словари новых слов и значений, отражающих языковые изменения в пределах разных хронологических отрезков: одного года, одного десятилетия, трех

десятилетий¹. К числу хронологически ограниченных, но уже ретроспективно, можно отнести и оригинальный по замыслу "Толковый словарь языка совденни" [Мокиенко, Никитина 1998].

Особое место принадлежит рецензируемому словарю. "Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения" (далее – Словарь XX в.) – подлинно новаторский лексикографический труд, замечательный по замыслу и высокопрофессиональный по исполнению. Как и в любой отрасли знания (а в лексикографии, насчитывающей много веков своего развития, тем более) создание нового типа исследования, новых принципов и методов анализа – особенно значимое для науки событие. Словарь XX в. и обладает этими свойствами.

Основанный на традиции академических словарей, он использует и те принципы и приемы лексикографической практики, которые уже получили апробацию в словарях предшествующих десятилетий, прежде всего словарях неологических: это и выбор лексикографического объекта описания, отражающего процесс изменений, и сами принципы словарного описания. Если в словарях инноваций были представлены способы описания новой лексики, а БАС-2 уточнил систему помет для лексики, переходящей в пассивный запас, "Русский

¹ См. серию "Новое в русской лексике", словари новых слов 60-х, 70-х, 80-х гг., а также "Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х гг.)". М., 1995.

толковый словарь" объединил старую и новую активную лексику [Лопатин, Лопатина 1998], а "Толковый словарь иноязычных слов" дал толкование многих заимствованных слов, в том числе и новых [Крысин 1998], то рецензируемый словарь – первое системное описание языковых изменений в их соотносительности, которое действительно является новой "моделью лексикографического описания языковой динамики", как и заявлено Словарем XX в. на с. 6.

Значение этого словаря гораздо шире той роли, в которой видят основную цель своего труда его составители, – "служить справочным пособием по употреблению русской лексики новейшего периода", "дополнением к существующим толковым словарям русского языка" (с. 6). И сам отбор лексического материала, и истолкование динамических процессов русской лексики развертывают перед читателем выразительную картину тех глубоких социальных, нравственных перемен, которые произошли в русском языковом сознании, и тем самым способствуют распространению, утверждению новых подходов к осмыслению прошедших семи десятилетий и новейшего этапа русской истории, во всей сложности и противоречиях его протекания, в своеобразии современной русской ментальности.

Богатый по материалу, целенаправленно и творчески отобранному, новаторский по принципам лексикографического описания, привлекающий своей позицией объективного, непредвзятого отражения языка эпохи, Словарь XX в. будет еще не раз предметом анализа и заинтересованного обсуждения. Рамки же рецензии позволяют выделить лишь некоторые аспекты, представляющиеся наиболее важными.

Эпиграфом к Словарю XX в. могло бы послужить его определение, данное одному из самых значимых в идеологическом лексиконе эпохи понятию – *деидеологизация*: "Устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (обычно коммунистической)" (с. 193).

Отход от мифологизированных и политизированных формулировок предшествующей эпохи – один из определяющих принципов новых толковых словарей. Авторы отражают современную языковую практику на основании широкого круга источников художественной, публицистической, научно-популярной литературы, прессы разной политической ориентации, разговорной речи разной социокультурной природы. Но в рецензируемом словаре глобальные и

напряженные процессы ломки старого, языковых новаций, взаимодействия нормы и антинормы, русского и иноязычного, разговорно-бытового, жаргонного и книжного, разностилевого и нейтрального, сложные семантические преобразования, эмотивные и экспрессивные переоценки – все активные процессы современной речи получают наиболее выразительное и динамичное отражение. Так, например, Словарь XX в. в слове *радикализм*, в отличие от толкования МАС-2, приведенного в справочной части ("Буржуазное или мелкобуржуазное политическое течение, выступающее за проведение демократических реформ при сохранении буржуазного строя"), фиксирует новое значение, близкое к определению последнего издания словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1997] и характерное именно для нашего времени: "Политическое течение, ориентирующееся на проведение демократических реформ в рамках существующего строя" (с. 525) (со знаком "возрожденное"), тогда как в "Русском толковом словаре" дается только общее, не связанное ни с какой эпохой значение: "Образ мыслей и действий, свойственный радикалу, радикалам", а *радикал* толкуется как "сторонник крайних решительных действий, взглядов" (с. 558).

Другой пример – слово *консервативный*, толкование которого в академических словарях советского времени отражало типичную для эпохи политическую непримиримость ко всем течениям, отличающимся от господствующей коммунистической идеологии и соответствующей системы терминов. Так, в определении МАС-2, также приводимом в справочной части статьи, дефиниция содержит резко отрицательную оценочность: "Враждебный прогрессу, отстаивающий старое, отжившее". В Словаре XX в. со знаком "актуализация" приводится новое деполитизированное толкование, отразившее изменившийся взгляд на признак "постоянство, традиционность", формирующий основную сему значения; при этом пейоративная коннотация преобразуется в положительную, поощрительную: "Традиционный, опирающийся на традиции; сохраняющий старое, надежно зарекомендовавшее себя" (с. 323). Ср. более идеологизированное толкование в "Русском толковом словаре": "Противящийся нововведениям, отстаивающий старое; в политике: приверженный стабильности, традиционным ценностям" (с. 241).

Проявление нового подхода к семантике слова в Словаре XX в. – определение значений слов религиозного словаря (*Бог*,

крещение, православие, отсутствующих в "Русском толковом словаре" [Лопатин, Лопатина 1998] *праведник, таинство* и др.), которые, по сравнению с толкованием словарей советской поры, освобождены от ограничительных дефиниций, оценочно представляющих подобное слово с отстранением от точки зрения христианской религии и тем самым с коннотацией нереальности, неистинности.

Принципиальное новаторство рецензируемого словаря составляет последовательное использование системы впервые введенных в лексикографическую практику знаков для отражения динамики в лексике и семантике. Эта система знаков определяет динамическое передвижение слов и значений не просто по оси актив – пассив. Находкой составителей представляются условные графические знаки в виде стрелок, маркирующих три основных направления динамики и их результат – положение слова в языковом сознании современников и в лексической системе языка: это возвращение слова из пассивного запаса в актив, уход слова в пассивный запас, актуализация слова или значения. Особым нероглифическим знаком передается степень новизны слова на основе его лексикографической фиксации (первой или в пределах описываемого периода). Применение системы визуальных помет активизирует внимание читателя к динамическим процессам и облегчает восприятие изменений лексической системы.

Сложной для лексикографического описания является группа слов, помечаемая как "уходящая в пассив". Привлекателен сам замысел знака, маркирующего не выход из употребления, а уход слова в пассив. Этот лексикографический знак имеет значение не только как показатель происходящего процесса, но и как способ прогнозирования, что особенно ценно в целостном лексикографическом описании языка.

Однако при этом одна и та же помета и для уходящего слова, и для уходящего значения иногда мешает правильному восприятию. Так, слова *идея, идеология* имеют знак "уходящее" только по отношению к приведенным характерным для советского периода значениям, в то время как сами слова сохраняются. (Ср. деидеологизированные значения в "Русском толковом словаре".) В других же случаях этот знак использован для фиксации ухода целого слова: *диамат, РСФСР, невозвращенец* и т.д.

Аналогично обстоит дело с применением знака "актуализация". Знак этот ставится, с одной стороны, при словах, активизи-

рующих свою роль в современном речевом процессе в связи с новой ролью в жизни общества понятия или реалии, обозначаемых словом [например, *йог, йога, зеленые* (экологи), *криминальный* (знач. 1)]; в этих словах семантика на протяжении фиксируемого Словарем XX в. периода, в сущности, не изменялась. С другой стороны, этим же знаком отмечается многообразие трансформации значений: например, новое значение слова *партия*, лаконично и выразительно прокомментированное в справочной части статьи, или движение семантики слова *прибыль*, которое передается сопоставлением с дефиницией БАС, приведенной в конце статьи. Думается, что пометы "уход" и "актуализация" хорошо было бы сопровождать какими-то значками, дифференцирующими их разное применение. Особенно в этом нуждаются, например, слова *диктатура, дипломатия, догма, догматы* и т.д. Вряд ли правомерен знак актуализации при слове *долгострой*.

Словарь имеет детально разработанную систему помет, которые в сочетании дают многоплановую характеристику современной стилистической природы, социальной и эмоциональной окраски слова. Авторы словаря чутко реагируют на изменения коннотаций слова (ср. слова *милосердие, милостыня, капиталист, партаппаратчик* и мн. др.), создающих экспрессивно-стилистический облик слов. Оправдан и отказ от пометы «просторечное», что получило убедительное обоснование в теоретических работах Г.Н. Складерской и апробацию в БАС-2. Комбинация помет (например: *БАРДАК... перен., разг., неодобрит.*) убедительно характеризует современное восприятие и употребление слова.

Содержательна справочная часть словарной статьи, демонстрирующая системные связи слова и приводящая энциклопедические, этимологические, исторические, фактические, лексикографические сведения. Умело отобраны и очень информативны. Рационально построены отсылки к синонимам, антонимам, словам одного смыслового поля, гипо- и гиперсинонимическим параллелям. Справочная часть обогащает представления не только об употреблении слова, но и о современной системе связанных со словом понятий (см., например, сеть слов в справочной части статьи *Парапсихология*).

Словарь с небывалой для лексикографических трудов быстротой прореагировал на языковые изменения, и это тоже большое достижение его составителей.

Естественно, что ни один словарь не в состоянии успеть за всеми лексическими изменениями. Не удивительно, что в словаре нет слова *дефолт* (в МК – одном из источников словаря – за 6 января 1999 г. встречающегося более 10 раз), поскольку оно вошло в употребление лишь в конце 1998 г. Но в словаре нет и слова *абсентеизм*, использующегося в газете "Известия" и др. на протяжении всех 90-х гг. и включенного Л.П. Крысиным [Крысин 1998]. Вместе с тем, в словаре помещены слова если не "однодневки", то "одногодки": *белодомовцы*, *белодомовский* (с. 82) как новые и относительно новые. Стоило ли давать как относительно новое слово *ахимса* (да еще в двух вариантах: *ахимса* – *ахинса*), явно не являющееся узуальным? Думается, что не было смысла помещать в словарь и текстовое сокращение *АЯ*. Оба слова даны со знаком "относительно новое".

Трудно согласиться с равноправным представлением разных написаний слова: *андеграунд* – *андерграунд*, *тинейджер* – *тинэйджер* и т.д., во-первых, потому, что нет равноправного их употребления (господствует *андеграунд* и *тинейджер*), во-вторых, потому, что толковые словари воспринимаются и действительно являются нормативными (исключение – Словарь В.И. Даля), поэтому на них ориентируются в употреблении и написании слова. Этому принципу соответствует и постановка ударения в словаре, иногда противоречащего привычным словарным нормам (например, *коллэдж*), но отражающего новую кодификацию (*колледж* [Крысин 1998; Каленчук, Касаткина 1997] и др.).

Не всегда очевидна целесообразность квалификации одним знаком *Δ* устойчивых сочетаний, заметно различающихся по своей семантической природе, степени слитности компонентов: с одной стороны, это *горячие*

деньги, *белое братство*, значение которых требует фоновых знаний и невыводимо из суммы значений составляющих их слов; с другой – сочетания *законодательная власть*, *государственный банк*, *государственный бюджет*, мало чем отличающиеся от речений, представленных за знаком *<*: *экологическое сознание*, *общественный консенсус* и т.д.

Приведенные соображения касаются отдельных дефиниций, а не принципов словаря. Наша лексикография обогатилась ценным научным экспериментом, выполненным творчески и высокопрофессионально. Новый словарь является стимулом дальнейшего развития лексикографической теории, дает в руки лингвистов богатый материал для исторических обобщений. Он вызовет большой интерес у всех, кому дорого русское слово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. 1997 – Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.
 Крысин Л.П. 1998 – Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
 Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. 1998 – Русский толковый словарь. М., 1998.
 Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. 1998 – Толковый словарь языка сошедши. СПб., 1998.
 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1997 – Толковый словарь русского языка. М., 1997.
 МАС-2 – Словарь русского языка: В 4-х томах. Изд. 2-е. М., 1981–1984.
 БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти томах. М., 1948–1965.
 БАС-2 – Словарь современного русского литературного языка: В 20-ти томах. Изд. 2-е. Т. 1–6. 1991–.

М.Б. Борисова, О.Б. Сиротинина